

Литературоведение

В данной статье рассматривается один из ключевых псевдонимов В. П. Буренина – «Выборгский пустынный» как особый способ декларации критических воззрений фельетониста. В критических статьях Буренина возникает увлекательная игра с читателем, центральным элементом которой становится псевдоним с зашифрованной в нем информацией, позволяющей произвольно создать в читательском сознании образ автора. Цель – проанализировать псевдоним В. П. Буренина «Выборгский пустынный» как одну из форм авторской маски критика. Полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что псевдоним «Выборгский пустынный» в контексте критической деятельности Буренина намекает на основной адресат статей, подчёркивает положение критика в журнальной среде, его позицию, отношение к обществу, к своим собратьям-критикам, к литературе того времени.

Ключевые слова и фразы: псевдоним; литературная маска; литературная стратегия; образ автора; авторская игра; мистификация.

Быков Антон Валерьевич, к. филол. н., доцент

Шабалина Надежда Николаевна, к. филол. н.

Елабужский институт Казанского федерального университета

anton-77-@mail.ru; nadezhada_85@mail.ru

ПСЕВДОНИМ В. П. БУРЕНИНА «ВЫБОРГСКИЙ ПУСТЫННИК» КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСКА[©]

Одним из центральных способов активизации внимания читательской аудитории в середине XIX – начале XX века, обеспечивающих спрос, как это ни странно, стало имя, которое, в свою очередь, должно было нести дополнительную нагрузку для выражения авторского мировоззрения. Всё это обусловило эволюцию и интенсивное воплощение индивидуального личностного кода через маску, для формирования которой необходимым элементом становится создание как мифической личности, что воплощалось в авторско-издательских предисловиях, послесловиях, комментариях, примечаниях, посвящениях и лирических отступлениях, так и в использовании разнообразных вымышленных имен. Авторская маска тесно связана с проявлениями «внутритекстовой» авторской модальности, она «предстаёт одним из способов самовыражения, сокрытия/проявления автором самого себя в пределах текстового пространства с присущими лишь ему индивидуальными особенностями мироощущения, мировоззрения, стиля» [8, с. 5]. Исходя из вышесказанного, авторская маска укоренена в **самом художественном тексте произведения или критической статьи**, в то время как псевдоним связан с текстом лишь условно, вынесен за его пределы. Однако, как отмечает О. Ю. Осьмухина, «псевдоним (чужое, вымышленное имя), разумеется, вполне возможно рассматривать в качестве одной из форм эстетической игры, и в этом смысле он сродни маске, поскольку сущность его двойственна – равно как и маска, он скрывает имя собственное» [9]. Таким образом, репрезентация авторской интенции осуществляется на различных уровнях художественного текста: в авторрепрезентации, в игровом самоотжестве, в несуществующих масках, в мистификациях и в использовании псевдонимов.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть один из ключевых псевдонимов В. П. Буренина – «Выборгский пустынный» как тип авторской маски.

В литературных кругах XIX столетия популярной становится игровая модель авторского поведения (А. Пушкин, Ф. Булгарин, О. Сенковский, А. Измайлов), которая предопределяет использование масок как

дополнительной черты в характеристике самого художника, заключающейся «в ироническом остранении, игре псевдонимов, парадоксальности, эпатажности, провокативном поведении» [7, с. 97]. Подобная литературная стратегия прослеживается и в деятельности Буренина, для которого обращение к вымышленному имени – это не столько стремление соблюсти ряд правил, традиционных в критической среде, сколько способ сознательного формирования имиджа критика-игрока, включающего в свои фельетоны прием авторской игры с читателем. Псевдоним критика становится неповторимым и по-своему уникальным элементом его статей, в которых отчасти скрыто или в зашифрованной форме возникает информация, необходимая для того, чтобы создать в сознании читателя образ автора.

В 1865 году Буренин становится постоянным сотрудником газеты «Санкт-Петербургские ведомости», где он публиковал фельетоны преимущественно под псевдонимом «Выборгский пустынный». Критик умело подводит свою маскарадную игру к биографическим границам, поэтому данное вымышленное имя становится своеобразной демонстративной авторепрезентацией: начиная свою деятельность в издании В. Ф. Корша, Буренин параллельно работает помощником инженера-архитектора при клинике баронета Виллие, которая находилась на Выборгской стороне. Этим во многом и обусловлен выбор псевдонима. Так, в одной из статей Буренин приводит цитату из газеты «Голос», в которой проведена параллель между архитектурным прошлым и литературным настоящим критика: «Остроумие “Голоса” состояло в том, что он назвал мой фельетон “архитектурным”... Не понимая причин, побудивших “Голос” отнестись к моим фельетонам с таким прозвищем, я все-таки благодарю, что он взял прозвище из области искусств» [4, с. 2]. Из контекста данного фрагмента явно заметно, что данный эпитет в отношении композиционной организации его произведений нисколько не оскорбляет критика, а, напротив, доставляет ему своеобразное удовольствие, так как позволяет высмеять неумелые попытки литературных антагонистов низвергнуть Буренина-фельетониста. Данное сравнение дает возможность

выявить особенности стилового мастерства критика, логичность и стройность построения его произведений.

Выборгская сторона неоднократно фигурирует в фельетонах Буренина: «читателю небезызвестно, что все мосты через Неву разводятся; небезызвестно ему также, что в числе этих мостов разводится и Литейный. Акт разведения этого моста совершается утром, когда белокурые чуханы, с запасом белоснежного масла, густых сливок и сладостного молока, стекаются на своих двухколесных телегах со всей Выборгской стороны в центр города...» [1, с. 2]. Если учесть, что данная часть Петербурга вплоть до начала XX века представляла собой местожительство мещан, купцов и торговцев «средней» руки, то в этом случае псевдоним Буренина указывает нам еще и «референтную» группу, на которую ориентируется критик, отбирая материал и выбирая манеру его подачи, – это, как правило, малограмотные и необразованные ремесленники и торговцы. Беседа с публикой, Буренин избегает сложной терминологии, непонятных слов и сложного синтаксиса. Таким образом, псевдоним «Выборгский пустынный» способствует иному восприятию авторского начала в фельетоне, дает возможность подчеркнуть знание жизни общества с самых «низов».

В то же время выбранное вымышленное имя в контексте критической деятельности Буренина приобретает новые оттенки: писатель стремится вызвать у читателей определенные мысли, чувства, аллюзии, находящиеся в проецируемой ассоциативной связи со смысловым значением псевдонима. Основную нагрузку несёт второй компонент псевдонима – слово «пустынный». Во-первых, Буренин намекал на своё одиночество, свою исключительно-индивидуальную позицию в журнальной литературно-общественной борьбе того времени. Он не примыкал ни к одному лагерю: позволял себе остро критиковать и революционных демократов, и консерваторов, и либералов. И этим он крайне напоминал критика-одиночку чуть более позднего времени – Акима Волинского [6, с. 130-131]. Нещадно боролся с продажностью печатных изданий, отсутствием таланта у современных журналистов, поэтов и прозаиков.

И именно псевдоним в данном случае становится своеобразной ёмкой метафорой, помогающей раскрыть внутренний подтекст фельетонов Буренина: он стремится расставлять акценты не только в контексте художественного текста, но делает это, используя такой прием, как «говорящее» имя.

В одном из фельетонов Буренин, обыгрывая собственное понимание взятого псевдонима, актуализирует в нём иные оттенки: «Вероятно, читатель знает ещё из хрестоматий о том, как одному благочестивому пустыннику надлежало сказать поучение и как он пригласил присутствующих пролить слезы. Нося звание пустынника (хотя и выборгского), мы намереваемся обратиться к публике со столь же кратким и выразительным воззванием» [2, с. 1]. Весьма меткое сопоставление своей литературной деятельности с подвижничеством, правда не религиозным, дает критику возможность затронуть один из наиболее важных аспектов общественной жизни России, который тесно вплетен в литературную панораму, – цензуру. Именно это, по мнению Буренина, не позволяет развиваться таланту, превращая человеческую жизнь в исполнение определённых порядков и правил. Иронично в этом контексте звучит мысль об истинном Сыне Отечества. Как это ни парадоксально, но носить столь высокое звание достойны лишь люди, которые если и творят «что греховное, то не иначе как с разрешения ближайшего своего начальства» [Там же]. В этом контексте псевдоним Буренина обрастает новыми метафорическими смыслами. Во-первых, возникает явная отсылка к идее авторства в древнерусской литературе, когда создатель произведения, осознавая свою «малость», «худость» и «недостойность» – традиционно христианское выражение скромности, – не может молчать, наблюдая происходящую несправедливость. Во-вторых, это обуславливает авторскую отстранённость Буренина, дарующую возможность взглянуть на происходящее с позиции стороннего наблюдателя, способного увидеть мельчайшие несовершенства жизни русского общества. В-третьих, слово «пустынник» сближается с исходным, основным лексическим значением – учитель жизни, наставник, именно этот последний аспект особенно важен для Буренина

периода сотрудничества в «Санкт-Петербургских ведомостях», так как псевдоним наглядно раскрывает понимание критиком своей функциональной значимости и его критического кредо: «...преследовать и изобличать всякую общественную и литературную фальшь и ложь, и в особенности фальшь и ложь, которые топорщатся и лезут на пьедестал...» [5, с. 2].

Возможно и иное понимание значения слова «пустынник» в псевдониме Буренина – житель пустыни, причём под пустыней критик часто имел в виду русскую литературу и журналистику, в которых нет настоящих талантов. Подобные разоблачительные размышления красной нитью проходят через все его фельетоны: «...большинство авторов (Кукольник, Родиславский, Дьяченко) суть нечто иное, как искусные дельцы драматического ведомства» [3, с. 2].

Кроме того, дезавуируя сокрытие биографического имени, критик в то же время инициирует разгадку секрета авторской маски: по нашему предположению псевдоним «Выборгский пустынник» может соотноситься с именем-отчеством Буренина – Виктор Петрович – начальные буквы псевдонима совпадают с инициалами: В. П. А это, в свою очередь, может быть отсылкой к более раннему периоду деятельности Буренина, периоду его сотрудничества в сатирических журналах, где он использовал нейтральные, лишённые экспрессии псевдонимы: «Б», «Б-н», «В», «В.Б.». Это своеобразная отсылка, возможно, намекает на продолжение разоблачительных, сатирических тенденций в критике Буренина, объединяя все созданное в единый цикл литературного высказывания.

Итак, псевдоним «Выборгский пустынник» несёт следующие смысловые оттенки: намекает на основной адресат статей Буренина, что связано с формой подачи материала, подчёркивает положение критика в журнальной среде, его позицию, его отношение к обществу, к своим собратьям-критикам, к литературе того времени.

Псевдоним в литературно-критической деятельности В. П. Буренина можно рассматривать как тип авторской маски, которая имеет амбивалентный характер, так как позволяет автору скрыть себя, остаться неузнанным, с другой

стороны, данный прием, не нарушая единства творческого «я», способствует наиболее яркому самовыражению, раскрывая творческий потенциал писателя и мировоззренческие позиции, которые никак не могут быть воплощены в его реальном имени. У Буренина отсутствует идея создания маски-мистификации, так как он не создает легендарной личности, наделяя её чертами характера, которые призваны убедить читателей в реальности его существования. В статьях Буренина возникает увлекательная игра с читателем, который, опираясь на псевдоним, должен сам сконструировать для себя образ автора, с определённым набором индивидуально-личностных качеств, дополнительных характеристик, влияющих на содержание статей. Буренинская литературная маска вскрывает сущность постоянного изменения авторского «я» (насчитывается более пятнадцати псевдонимов) и позволяет противопоставить свое творческое кредо социально-культурной среде.

Список литературы

1. **Буренин В. П.** Литературные и общественные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 230.
2. **Буренин В. П.** Литературные и общественные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 237.
3. **Буренин В. П.** Литературные и общественные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 265.
4. **Буренин В. П.** Литературные и общественные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 279.
5. **Буренин В. П.** Литературные очерки // Новое время. 1878. 8 декабря.
6. **Быков А. В.** Забытый критик – Аким Волынский // Забытые и малоизвестные как феномен русской культуры: межвузовский сборник научных трудов. Елабуга: ЕГПУ, 2009. С. 129-137.
7. **Крылов В. Н.** Стратегии творческого поведения в русской критике // Дергачевские чтения-2011. Русская литература: национальное развитие и

региональные особенности: материалы X Всероссийской науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения И. А. Дергачева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 93-102.

8. **Осьмухина О. Ю.** Авторская маска в русской прозе 1760-1830-х гг.: автореф. дисс. ... д. филол. н. Саранск: Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, 2009. 40 с.
9. **Осьмухина О. Ю.** Категории авторской маски – псевдонима – мистификации: к проблеме разграничения [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/8_NMIW_2014/Philologia/8_161985.doc.htm (дата обращения: 22.09.2015).